

ВОПЛОЩЕНИЕ НА ТЕЛЕЭКРАНЕ

Вышел третий сборник «Портреты режиссеров. Симонов. Бабочкин. Вивьен. Алексидзе. Владимиров. Хейфец». (Сост. Ю. Смирнов-Несвицкий. — Л.: Искусство, 1982).

Публикуем фрагменты из очерка доктора искусствоведения **Константина Рудницкого «Борис Бабочкин»**, посвященные телевизионным ролям известного актера и режиссера.

ВСЕГДАШНЯЯ готовность Бабочкина заново вчитываться в произведения, давно признанные либо вовсе не подходящими для сцены и для экрана, либо уже устаревшими, отжившими свой театральный и кинематографический век, и находить им свое неотразимо убедительное решение, часто приносила его зрителям огромные радости, внезапно открывая сокровища, о существовании которых мы и не подозревали. Телевизионный фильм «Скучная история» (1969) явился одним из таких сюрпризов.

Тихое, небогатое событиями чеховское повествование о духовном кризисе, на склоне лет омрачившем внешне безбедную и благополучную жизнь профессора Николая Степановича, вряд ли кто предполагал увидеть. Читать и перечитывать — да, конечно, и с наслаждением! Но увидеть в жи-

вом актерском действии? Какое же там действие?! В исполнении Бабочкина плавное горестное повествование оказалось вдруг захватывающе драматичным. Он заставил нас с тревогой вслушиваться в голос Николая Степановича, то саркастический, то утомленный, то старчески расслабленный, то полный юношеской нежности и внезапной силы. Напряженно вглядываться в глаза Николая Степановича, то грустные, то насмешливые, то словно побелевшие от гнева, то вдруг засиявшие любовью, но неизменно, всегда умные. А почему мы так пристально вглядывались в эти глаза? Почему мы так внимательно вслушивались в этот голос, стараясь уловить каждую интонацию, еле слышимую вибрацию изменившегося настроения? Как вообще совершилось это телевизионное чудо, удивившее ведь и самого Бабочкина?

Наш интерес к нему, всевозрастающий, был продиктован артистом, сумевшим передать и обаяние интеллигентности, и смелость мысли, готовой без боязни идти до последней точки, до приговора, зачеркивающего собственную жизнь...

В последние годы он все чаще, о чем бы ни заходила речь, заговаривал о Пушкине. Он признавался, что, хотя и отдал много сил Островскому, Чехову, Горькому, все же для него всегда самой заманчивой целью был Пушкин. «Если бы, — говорил он, — судьба прибавила мне еще один срок полноценной творческой жизни, я бы весь этот срок истратил на воплощение Пушкина. Выше, труднее, желаннее нет ничего на свете».

Прежде всего Бабочкину, бесспорно, удалось без всякого видимого усилия подчинить себе стихотворную форму — или же себя ей подчинить. Пушкинский стих в устах Бабочкина сохранял непринужденность и естественность дыхания. Стих никогда не мялся и не ломался во имя выпячивания смысла, смысл ни разу не пострадал от размеренного движения стиха. Пушкинская строка летела легко и свободно, она жила в своем победоносном-сильном ритме, она вовремя откликалась рифмой другой строке, она успевала, произнесенная Бабочкиным, обнаружить все свое музыкальное богатство. Бабочкин явно и нескрывая наслаждался ее красотой и охотно

делился с нами радостью жить, отдаваясь музыке стиха.

Вероятно, самый трудный из всех пяти монологов, избранных Бабочкиным, тот, с которого он начинал, — монолог Пимена. Бабочкин сумел тут передать дыхание истории, ее неслышимый роковой ход. Но насколько же сильнее, насколько энергичнее прозвучал последний из пяти монологов, прочитанных артистом, — песня Председателя в «Пире во время чумы». Какой тут услышался дерзкий вызов судьбе, какая тут подлинно пушкинская страсть, какая высочайшая поэзия!

Крупным планом — на этот раз совсем ненадолго — возникало перед нами лицо Бабочкина, одухотворенное, ликующее от соприкосновения с поэзией, с ее «необъяснимыми наслаждениями». ...Самая знаменитая строка этого монолога — «Есть упоение в бою» — могла бы стать эпиграфом ко всей жизни Бабочкина в искусстве. С телевизионного экрана глядели на нас вызывающе молодые глаза художника, который умел и любил рисковать.